

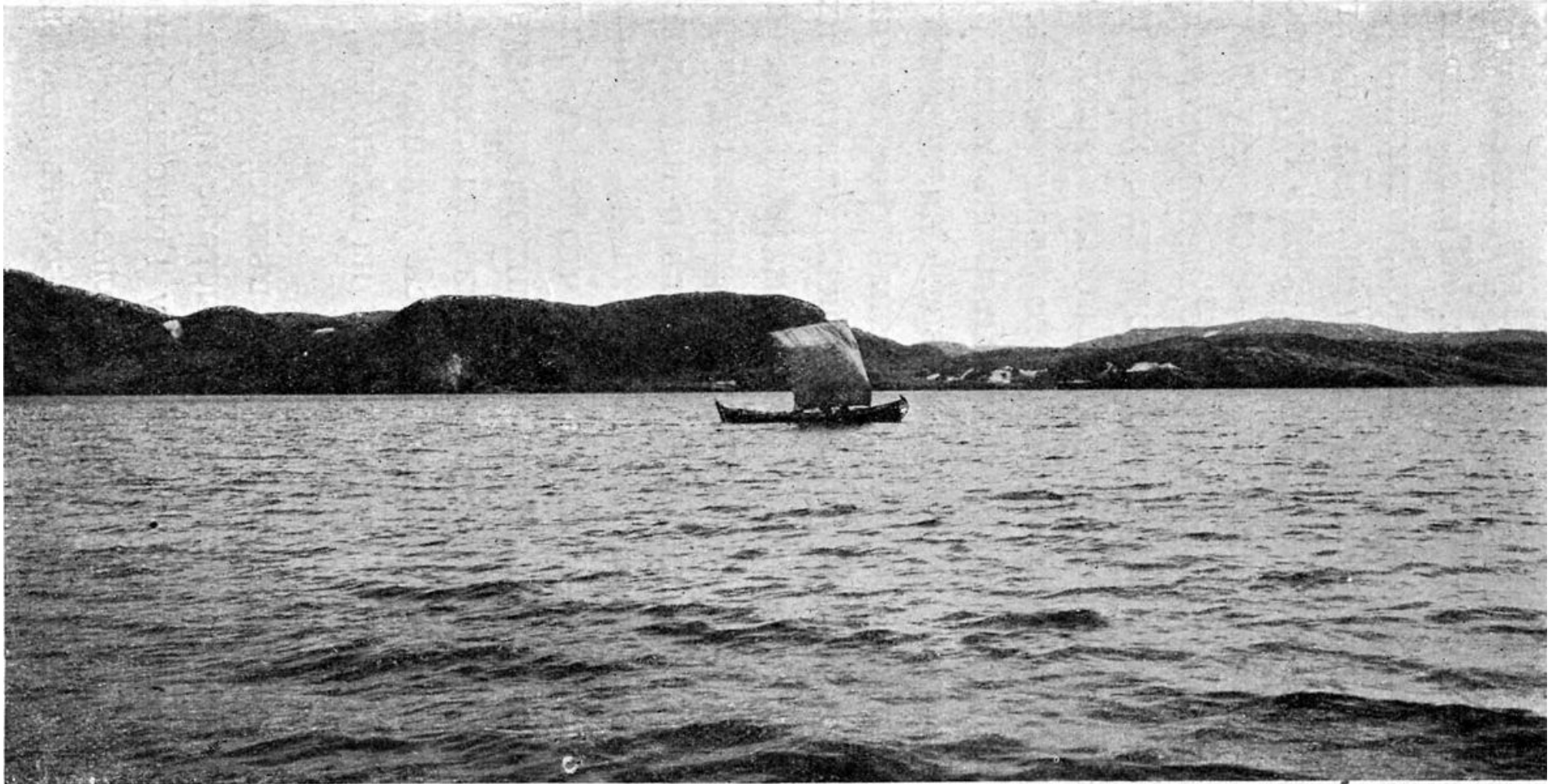
НА ШНЯКЕ

Къ концу прилива я былъ уже у Териберки и попалъ какъ-разъ во-время. Григорій съ сыновьями снаряжали шняку. Это большая безпалубная лодка, сделанная изъ толстыхъ крепкихъ досокъ. Кажется, никакой штормъ, никакой прибой не могъ бы разбить это массивное судно. И поморы ценятъ свою шняку за ея прочность.

По средине вставляется невысокая мачта, на которую при попутномъ ветре поднимаютъ на рее небольшой парусъ. Такъ какъ ветра почти не было, то и мачта и свернутый парусъ лежали на дне шняки.

Погрузивъ снасть, мои спутники повернулись къ востоку и, снявъ свои теплыя шапки, начали креститься, шепотомъ произнося молитву... О чемъ они молились? О хорошемъ улове или о томъ, чтобы море не поглотило ихъ вместе съ ихъ судномъ? Думали-ли они въ это время о томъ, что при всякомъ выходе въ море они рискуютъ жизнью...

Скоро мы плыли по заливу. Андрей сидель спиной къ носу шняки и гребъ, какъ обыкновенно, а Григорій, стоя у кормы и спиной къ ней, гребъ, толкая весла отъ себя; онъ такимъ образомъ не только управлялъ, но и помогаль гребцу. Мы медленно подвигались впередъ. Трудно представить себе, сколько нужно гребцовъ, чтобы разогнать тяжелую шняку!

Шняка подъ парусомъ.

Когда мы вышли за «егру», съ востока потянуло ветеркомъ, но для насъ онъ былъ слишкомъ тихъ. Скоро насъ обогнали две легкія красивыя ёлы, довольно быстро шедшія подъ парусами.

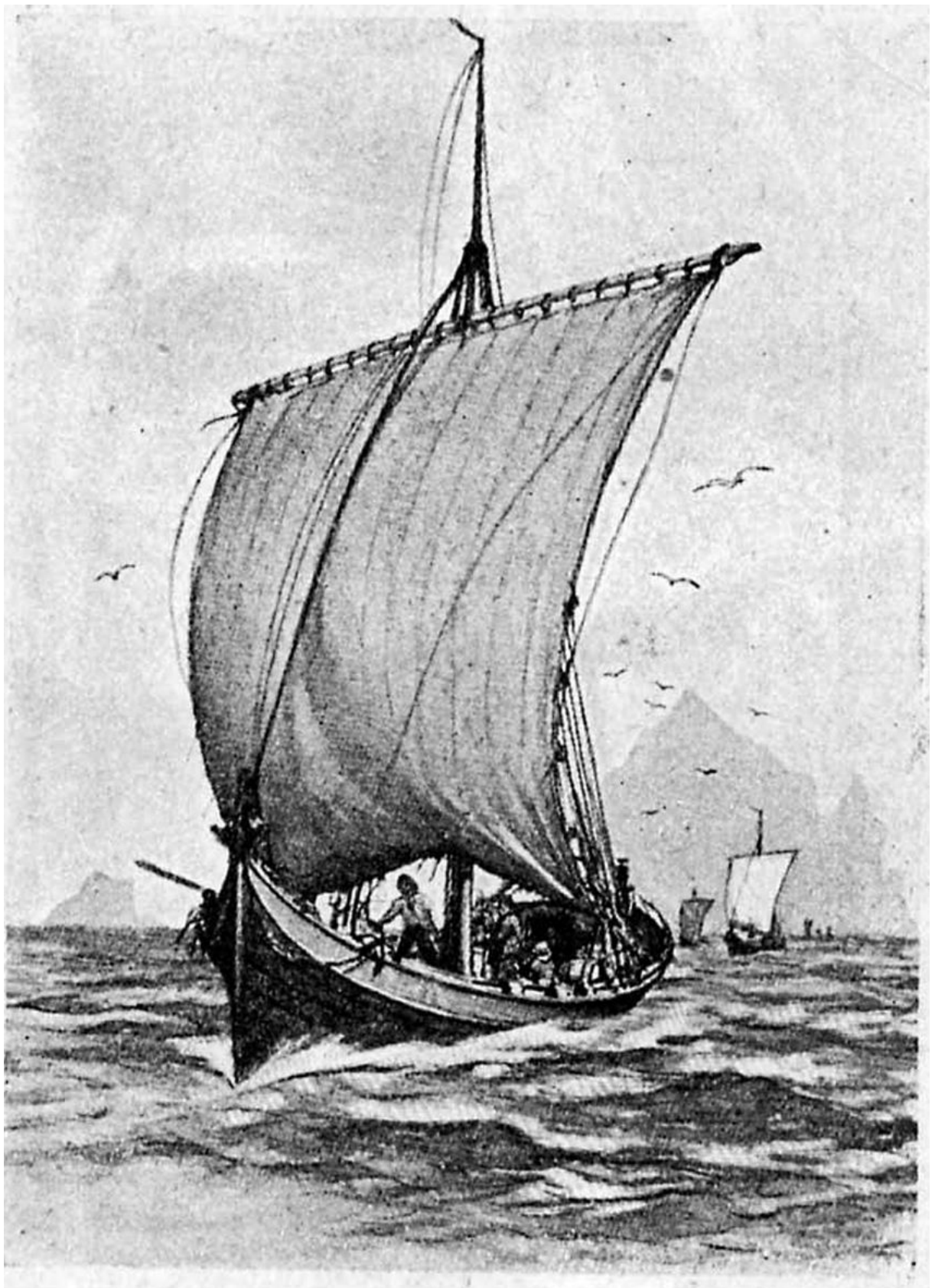
— Почему, Григорій, — спросилъ я, — вы промышляете на шняке? Ведь вотъ смотрите, какъ легко идутъ ёлы! И люди не устанутъ, и на промысель они придутъ раньше нашего!

— Это верно! Выгода есть и большая, да жидка больно ёла! Много возле нея уходу нужно! Вотъ онъ на ёле противъ меня выгадаетъ, но зато ёла его износится куда раньше шняки, и вся выгода уйдетъ на новое судно. Да и не привыкли мы къ ней. И дедъ мой, и отецъ, и прадедъ, — все на шняке промышляли, такъ ужъ, видно, и мне менять ее не пристало.

— Ну, а въ штормъ, — не унимался я, — ведь если ветеръ съ берега, такъ на шняке совсемъ плохо!

— Отъ смерти ни на чемъ не уйдешь, Константинъ Павловичъ! Придетъ смерть, такъ и на ёле, и на шняке и на пароходе помрешь ...

Когда мы вышли въ океанъ, ветерокъ усилился. Поставили парусъ, и наша шняка быстрее пошла впередъ. Мы шли прямо на северъ. Хотя у Григорія былъ небольшой компасъ, но онъ имъ не пользовался: окружающие берега, на которыхъ ему былъ известень каждый камень, делали излишнимъ примененіе компаса.

Ела подъ парусомъ.

Мы остановились, по словамъ Григорія, верстахъ въ 30 на северъ отъ Териберскаго мыса и измерили глубину. Мерой служили все те же связанныя другъ съ дружкой *стоянки*. Мы стояли на глубине около 90 сажень.

Снявъ шапки и истово перекрестившись, начали метать ярусъ. Прежде всего выбросили якорь — довольно большой гранитный камень. Къ нему былъ привязанъ конецъ яруса и *стоянка*, которая служила для измеренія глубины. Когда якорь достигъ дна, въ воду выбросили другой свободный конецъ *стоянки* съ привязаннымъ къ нему «кубасомъ». Последній представлялъ собою кусокъ легкаго дерева съ продетой черезъ него палкой, на верхушке которой былъ прикрепленъ небольшой флажокъ. После этого начали метать ярусъ: Григорій мерными взмахами выбрасывалъ его въ воду, а Андрей гребъ съ такой быстротой, чтобы *стоянка* яруса все время была несколько натянута. Благодаря этому ярусъ ложился по дну, не путаясь, въ одну линію. У насъ было съ собою 20 *тюковъ*, т.-е. около 3 тысячъ крючковъ.

Когда выметали последній *тюкъ*, выбросили въ море второй *кубасъ* и второй якорь.

Привязавъ шняку къ *стоянке* *кубаса*, Григорій съ сыновьями могли наконецъ отдохнуть. Помывъ руки, они уселись за завтракъ. У меня были бутерброды и банка съ консервами, но на всехъ насъ моихъ запасовъ было недостаточно, а есть все это одному мне не хотелось; поэтому я охотно принялъ приглашеніе присоединиться къ ихъ трапезе. Андрей вынулъ изъ сумки завернутый въ чистую

тряпку каравай черного хлеба, досталъ оттуда же довольно большую вареную треску и разложилъ все это на опрокинутомъ ящике. Тутъ же въ тряпочке лежала грубая, слегка отсыревшая соль, та самая, которая употребляется для засола рыбы. И съ какимъ аппетитомъ уничтожили мы добрую половину этихъ запасовъ!

После еды мои спутники улеглись тутъ же въ шняке и заснули богатырскимъ сномъ. У поморовъ этотъ промежутокъ до выборки яруса такъ и называется: «лежать на ярусе».

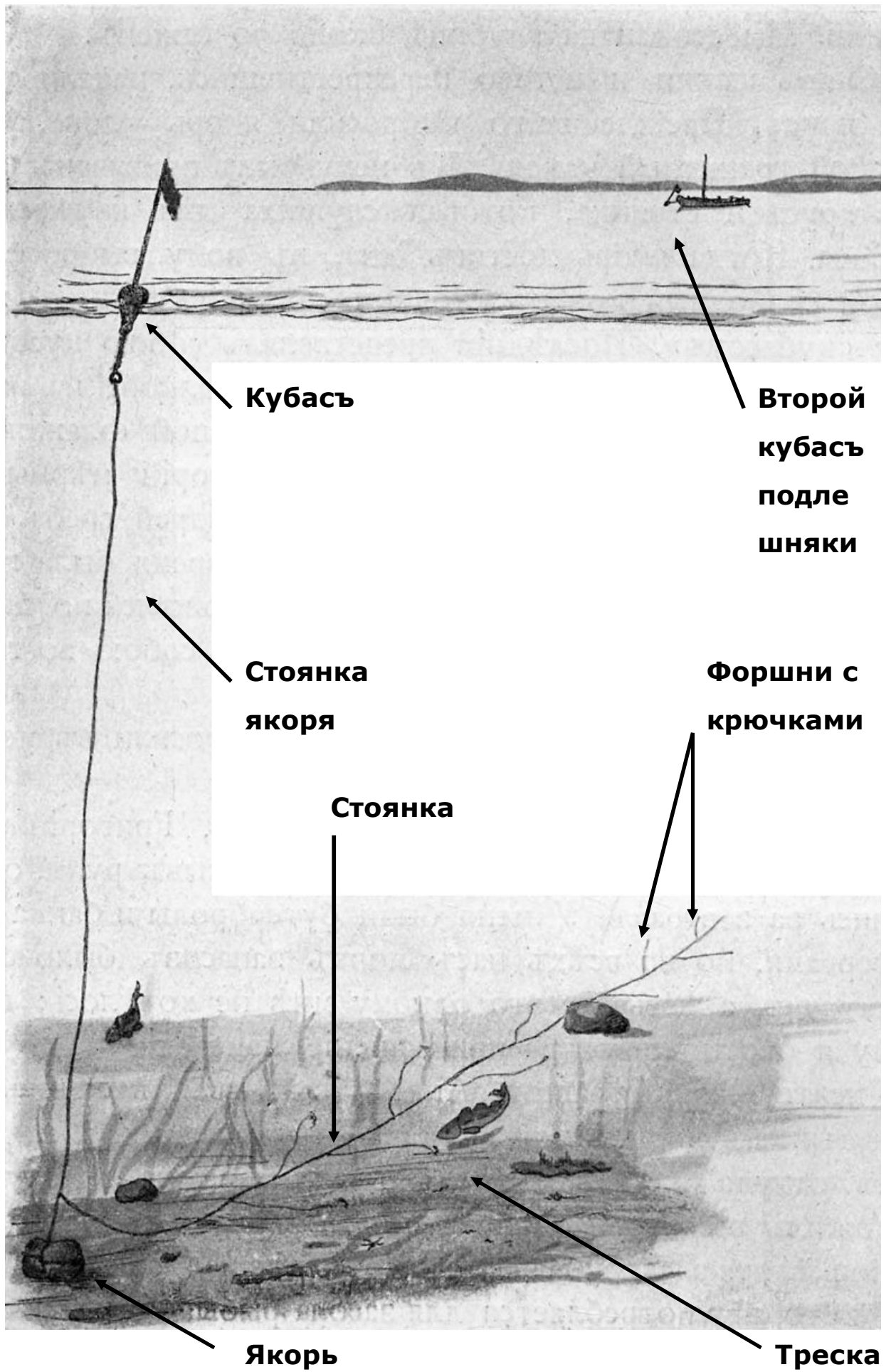
Мне спать не хотелось. Я уселся поудобнее на корме шняки, и меня охватило чувство полного покоя...

Было тепло, какъ у насъ въ хорошій апрельскій день. Еще довольно высоко стоявшее солнце не жгло, а ласково грело. Легкій ветерокъ пріятно освежалъ лицо. Кругомъ — безпредельная синяя, синяя поверхность океана. Только на юге вставали из нея высокія гранитныя скалы Мурмана съ белыми, сверкавшими на солнце снежными пятнами. Богъ вестъ, откуда катившіяся, невысокія, пологія океаническія волны не качали, а только поднимали и опускали шняку, пріятно убаюкивая...

Прошло часа 4. Первымъ проснулся Григорій и посмотрель на солнце.

— Ну, ребята, пора! — сказалъ онъ. — А вы, Константинъ Павловичъ, такъ и не спали?

— Да я ведь ночью выспался!

— Пора, пора, ребята! — торопиль Григорій сыновей, натягивая буксы — пропитанные маслом непромокаемые парусиновые штаны. — Смотрите, какъ бы штормомъ насъ не захватило!

— Почему вы ожидаете шторма? — съ удивленіемъ спросиль я, оглядывая безоблачное небо.

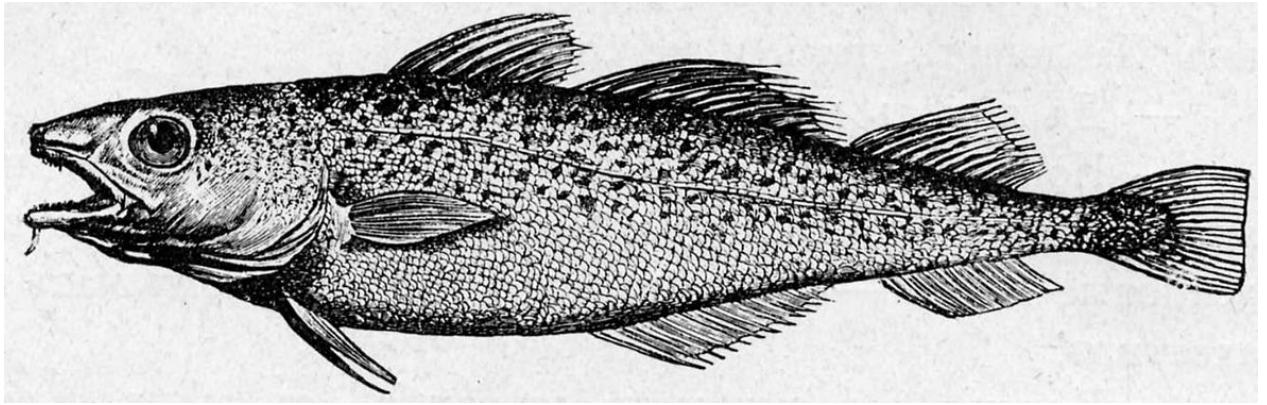
— А волна идетъ съ востока! Здесь ужъ сколько дней не было ветра!

Я только удивился, какъ мне раньше самому не пришло въ голову, что разъ появилась волна, то где-то должна же быть вызвавшая ее причина.

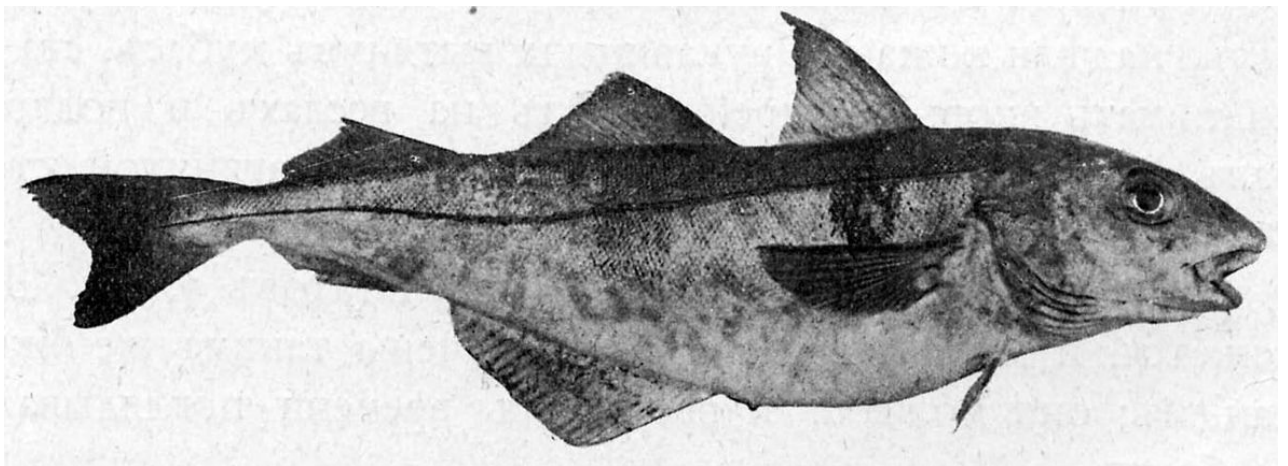
Григорій съ Семеномъ, который былъ уже въ буксахъ, надели кожанья рукавицы и, вытянувъ кубась, стали поднимать якорь. Андрей сидель на веслахъ и подгробаль, направляя шняку въ сторону туго натянутой *стоянки*.

Я съ нетерпеніемъ ожидалъ результатовъ улова. Да, кажется, и мои спутники были охвачены такимъ же ожиданіемъ; они молчали и время отъ времени поглядывали за бортъ.

Вотъ и якорь, вотъ и первые крючки яруса. Далеко въ прозрачной воде блеснула крупная рыба, за ней другая, третья... Скоро въ шняку одна за другой посыпалась треска. Вотъ она, кормилица Мурмана! Треска шла крупная, около метра длиною. Изредка попадалась пикша, рыба очень похожая на треску и видомъ, и вкусомъ; окрашена она темнее трески; за груднымъ плавникомъ у нея находится 2 черныхъ пятна, по одному съ каждой стороны.

Треска.

Пикша.

Меня сначала удивляло, что такая крупная рыба совершенно не билась: она шла, как мертвая, и только слабые движения хвоста давали знать, что она еще не совсем уснула. Мне пришлось призвать на помощь свои знания по физике, и тогда я понял, в чем дело: ведь рыбу эту быстро подняли с глубины около ста саженей, а слой воды, толщиной в 5 саженей, давит с силой одной атмосферы; следовательно, на дне давление достигало не менее 20 атмосфер! Вспомнив, как действует на воздухоплателей быстрый подъем на аэростатах, я

больше не удивлялся безжизненности рыбы. Для меня стало понятным и то, почему у некоторых тресок глаза вышли из орбиты.

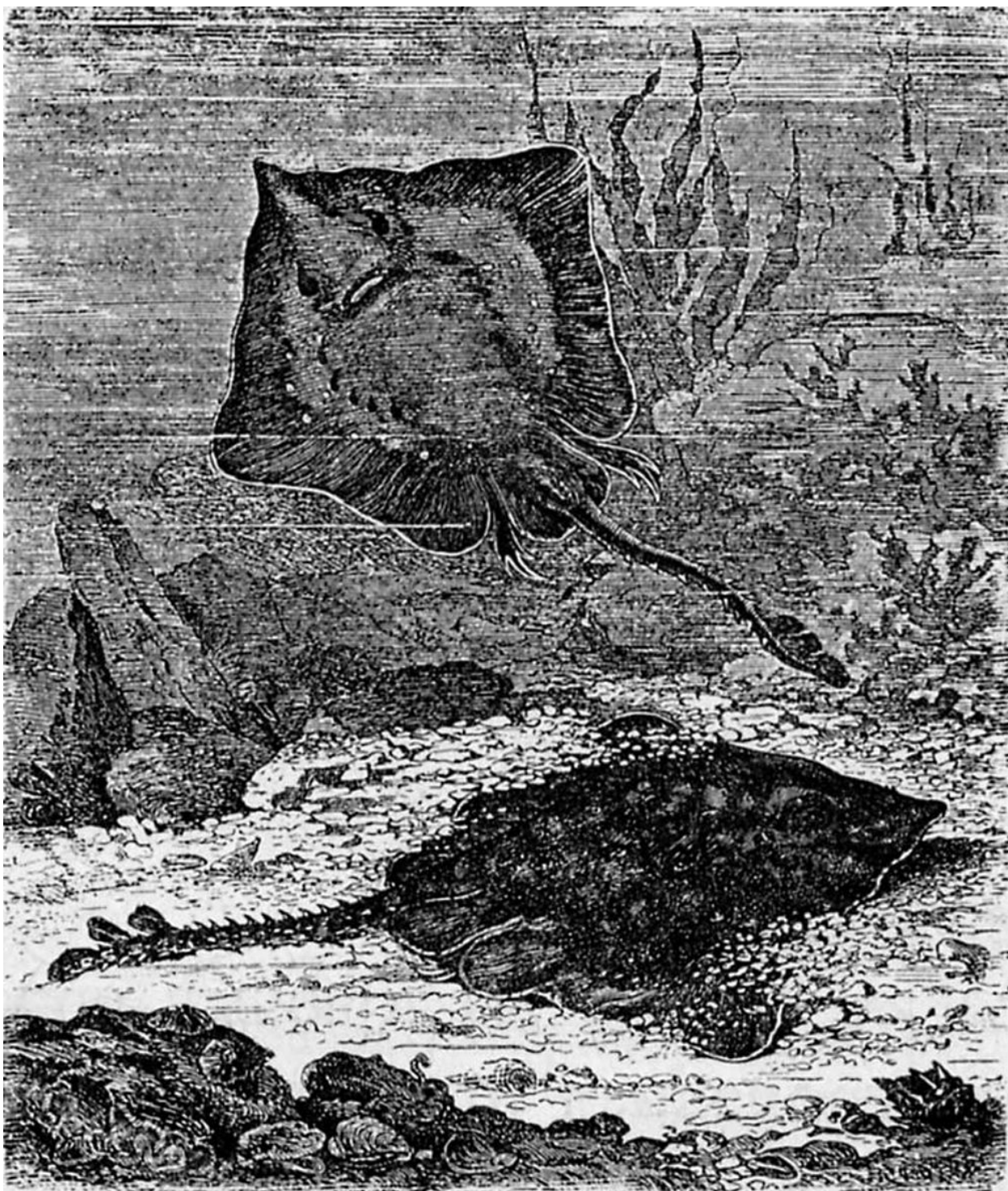
Уловъ былъ хорошъ. По мере того какъ на дне шняки слой рыбы делался все толще и толще, настроеніе моихъ спутниковъ повышалось: вначале молчаливые и сосредоточенные, они теперь болтали, смеялись, шутками и прибаутками встречали каждую крупную рыбу. Но особенно много оживленія вызвалъ крупный скать... Эту плоскую нелепаго вида рыбу не едятъ, и промышленники ее выбрасываютъ. Прежде, чемъ выбросить, Григорій, этотъ серьезный, пожалуй, даже несколько суровый человекъ, не говоря уже о его сыновьяхъ, довольно долго забавлялся уморительными движениями и гримасами ската, снятаго съ крючка.

Глядя за бортъ, я издали увидель нечто совсемъ особенное: извиваясь во все стороны, сильно билась на крючке какая-то пятнистая рыба съ круглой головой.

— А, зубатка! — съ какимъ-то озлобленіемъ сказала Григорій. Вытащивъ изъ воды, ее несколько разъ ударили по голове «ляпомъ» — железнымъ крючкомъ, вделаннымъ въ деревянную рукоятку. «Ляпомъ» пользуются для того, чтобы подхватывать крупную рыбу, когда она выходитъ изъ воды.

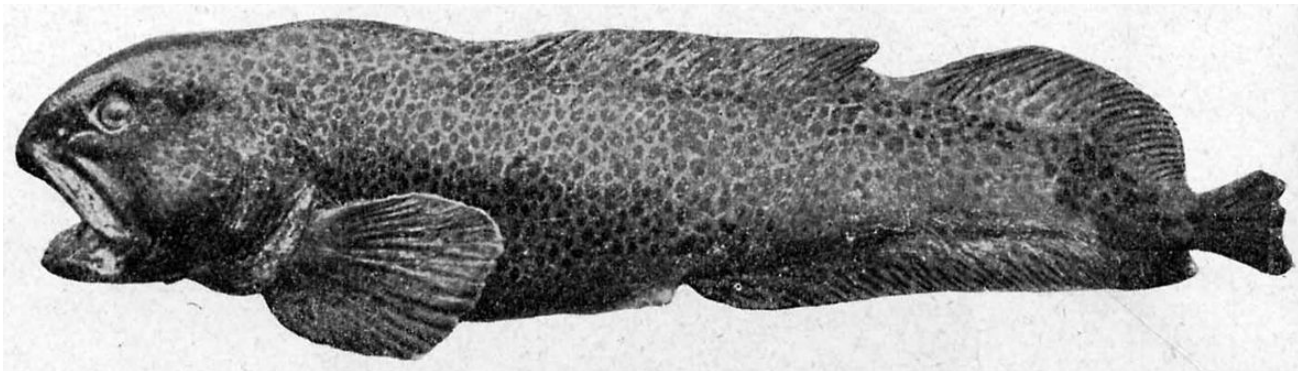
— Зачемъ вы ее бьете? — спросилъ я.

— Кусается! Недавно одному промышленнику зубатка прокусила сапогъ и такъ поранила ногу, что недели две на промысель не выезжалъ.

Скаты.

Я съ интересомъ сталъ разсматривать большую пасть зубатки, усаженную крупными острыми зубами. Своей ловкостью, съ которой она извивалась въ воде, и окраской зубатка мне очень напомнила кошку.

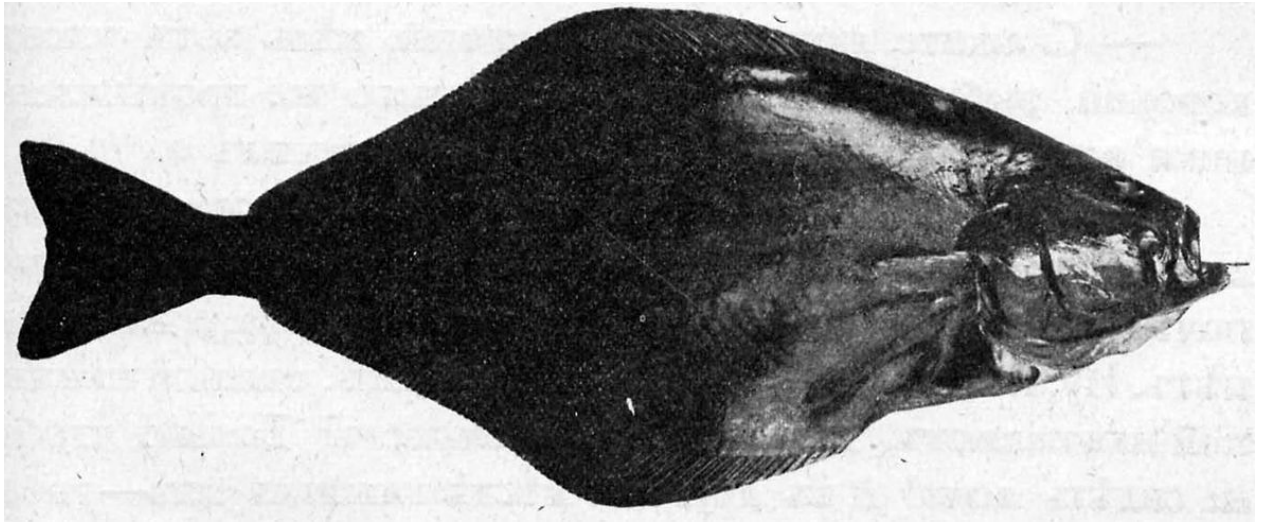
Зубатка.

— Палтусь, палтусь! Да какой большой, — закричалъ Семень, схвативъ «ляпъ».

Я бросился къ борту. На крючке яруса почти безъ движения висела громадная широкая камбала метра полтора длиною. Семень, нагибаясь, чтобы зацепить палтуса «ляпомъ», чуть не выпрыгнулъ изъ шняки; Григорій, поспешно завернувъ ярусъ за колышки для весель, бросился на помощь къ сыну. Съ большимъ усилиемъ подняли они его въ шняку. Конечно, въ воздухе никакой *форшень* не могъ бы выдержать эту тяжесть, а между темъ въ воде она была поднята на тоненькой бичевке съ глубины больше ста сажений! Вотъ наглядный примеръ закона Архимеда!

Я попробовалъ поднять вытащенного палтуса, чтобы определить его весъ, но только выпачкался въ слизи, покрывавшей его тело.

— И не пробуйте, Константинъ Павловичъ! — сказалъ Григорій — не меньше какъ 5 пудовъ!

Палтусъ.

Къ концу яруса вытащили еще двухъ палтусовъ, но уже не такихъ крупныхъ.

Но вотъ наконецъ и второй якорь. Вытянувъ *стоянку* и поднявъ *кубасъ*, поморы начали вытирать градомъ катившійся съ нихъ потъ. Стоя по колени въ рыбе, выпачканные въ крови и слизи, усталые, но довольные хорошимъ уловомъ, они обменивались впечатленіями о томъ, какъ одна крупная треска чуть было не ушла, съ какимъ трудомъ вытаскивали большого палтуса и т. д.

Увлеченные ловомъ, мы и не заметили, какъ усилился ветеръ, и какъ гребешки волнъ забелели пеной.

— Ну, ребята, скорее ставь мачту! Поднимай парусъ! — скомандоваль Григорій. — Вы намъ счастье принесли, Константинъ Павловичъ! Пудовъ на 100 добыли рыбы.

Ветеръ былъ почти въ спину. Слегка накренившись на правый бортъ, шняка понеслась къ Териберке, тяжело

взбираясь на гребешки волнъ, обдававшихъ насъ солеными брызгами.

Усевшись, поморы начали чистить рыбу. Внутренности вынимали и бросали въ море. Десятки чаекъ съ унылымъ ноющимъ крикомъ окружили нашу шняку и чуть не на-лету подхватывали лакомую для нихъ добычу. Печень изъ каждой рыбы вырезывали и складывали въ особое ведро; она очень ценится, такъ какъ изъ нея готовятъ тотъ рыбій жиръ, который такъ знакомъ всемъ слабымъ и золотушнымъ детямъ. Головы отрезывались, но напрасно надеялись чайки попользоваться ими: ихъ складывали отдельно, чтобы потомъ, высушивъ, сохранить ихъ на зиму.

— А зубатку тоже будете разделявать? — спросилъ я.

— Зубатка все равно, что треска, — отвечалъ Григорій. — Ее скупщики принимаютъ по такой же цене и солятъ ее вместе съ треской.

— Скажите, пожалуйста, Григорій, ведь вотъ уловъ хорошій, рыбы, значить, много... Отчего же промышленники все жалуются на свою судьбу? — спросилъ я.

— Какъ не жаловаться, Константинъ Павловичъ? Вонъ далеко ли до Харловки, а тамъ, на пароходе сказывали, почти и на промыселъ не выходятъ; рыбы много, а наживки нетъ. Ну, конечно, червя морского копаютъ, соленой наживкой наживляютъ, да разве это промыселъ? Только чтобъ не сидеть дома! А въ другомъ месте наживка есть — рыбы нетъ! Да взять хоть и нашихъ, териберскихъ... Конечно, теперь промышленяютъ хорошо, а что толку?! Ведь пришелъ на промыселъ, и снасть,

и одежду, и хлебъ, все въ долгъ въ лавке взялъ, а теперь и расплачивается; все за долгъ и поидеть! Целое лето работаль, а домой ничего не привезеть. Оно, конечно, и водка много мешаешь... Вотъ сегодня пароходъ былъ, и сколько людей на промысель не выехало, пьяные лежать. И осудить трудно! Целый день въ холоде, да въ воде! Конечно, не всякій удержится, чтобы не выпить.

Предсказаніе Григорія сбывалось: ветеръ все крепчалъ и крепчалъ. Спустившееся къ горизонту полуночное солнце багровымъ светомъ окрашивало зловеще вздымавшееся гребешки волнь.

Но вотъ и Териберскій мысъ! Мы вошли въ заливъ. Здесь было значительно тише. Скоро мы прошли начавшую пениться егру и вошли въ реку.

Поблагодаривъ Григорія, я, едва передвигая усталыя отъ долгаго сиденія ноги, поспешилъ къ стоявшей на берегу шлюпке «Помора».

Я былъ дома почти въ одно время съ Всеволодомъ Феликсовичемъ, который только что пришелъ съ промысла на одномъ изъ ботовъ.

— Ну, что? — спросилъ онъ. — Какъ уловъ?

— Уловъ хорошій! Но кроме улова все то, что я сегодня видель и слышалъ, поразило меня до глубины души.

Было 4 часа утра. Мы завалились спать.